

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ
10 апреля 2012 – 16:00

О.В. Артемьева

О здоровом смысле

Материалы к докладу

Мое обращение к теме здравого смысла было связано с двумя обстоятельствами.

Первое обстоятельство состояло в том, что в английской моральной философии, которой я занимаюсь, понятие здравого смысла является одним из самых важных понятий. Еще до появления Томаса Рида и шотландской школы оно встречается довольно часто в этических сочинениях британцев. Апелляция к здравому смыслу выступает в качестве способа подтверждения той или иной этико-философской позиции. В особенности это характерно для после-ридовской английской моральной философии XIX в.

Второе обстоятельство связано с опытом нашего употребления понятия здравого смысла. Здравый смысл воспринимается нами часто как синоним обыденного сознания, обремененного предрассудками, стереотипами, «ничьими» мнениями. В моральном контексте его также ассоциируют с корыстью, со взглядом на мир с точки зрения собственного узкого частного интереса, с ограниченной, мещанской позицией.

Например, в статье «Добро» в Энциклопедическом словаре «Этика»: «В проповеди добра действительно может скрываться всего лишь поверхностная добропорядочность; такая проповедь таит в себе возможность как морализаторства так и апологии здравого смысла, благоразумия или мещанства».

В силу отождествления здравого смысла с обыденным сознанием он представляется как нечто противоположное философии. Вынося оценку какому-то рассуждению или высказыванию «это здравый смысл», мы предполагаем, что это высказывание является антифилософским или, по меньшей мере, не имеющим к философии вообще никакого отношения.

Я вижу свою задачу в том, чтобы показать, что наше негативное отношение к здравому смыслу в определенном мере само является предрассудком, возможно, неслучайным, имеющим реальные основания, но все-таки предрассудком. Для того, чтобы преодолеть его, важно прояснить значение понятия «здравый смысл» как философского понятия. Именно это я попытаюсь сделать.

Решение данной задачи, как оказалось, сопряжено с целым рядом трудностей, которые отчасти связаны с тем, что философское понятие здравого смысла – *common sense* – довольно многозначно и неопределенно. Оно имеет множество семантических прототипов в античной философии, значения которых в разной степени и в разном сочетании присутствуют в различных современных интерпретациях понятия *common sense*.

Считается, что современное философское понятие здравого смысла (*common sense*) сформировалось на основе греческих понятий *koine aesthesis* (общее чувство),

koine ennoia (общее понятие) и koinos nous (общий ум) и латинского sensus communis, вобравшего значения греческих понятий. Все эти понятия уже в античности употреблялись в качестве философских концептов.

Как правило, «общий» в контексте данных сочетаний предполагает «свойственный всем людям», «разделяемый всеми» в силу самой их природы, общности жизни или того и другого. Но не только. В слове «общий» в контексте данных сочетаний, помимо содержатся еще и другие смысловые оттенки, а именно – обычный, простой, а также здравый в противоположность безумному. Именно последние два оттенка обнаруживаются в разъяснении Эпиктетом обычного [общего] ума (koinos nous):

«А когда кто-то спросил, что такое обыкновенный ум, он сказал: Подобно тому, как можно было бы назвать обыкновенным слухом тот, который способен различить только звуки речи, а тот, который способен различить тоны, – уже не обыкновенным, но слухом владеющего этим искусством, так существуют определенные вещи, которые люди, не совершенно свихнувшиеся, видят в соответствии с обыкновенными возможностями. Такое состояние называется обыкновенным умом»¹.

Можно предположить, что существует две основные традиции понимания здравого смысла. Одна берет начало в философии Аристотеля и связана с понятием общего чувства (koine aesthesis). В трактате «О душе» Аристотель ввел данное понятие для обозначения способности, во-первых, синтезирующей данные пяти чувств в единое представление о предмете; во-вторых, воспринимающей общие свойства предметов (движение, форма, величина и др.); в-третьих, различающей данные разных чувств; в-четвертых, воспринимающей сам факт того, что мы воспринимаем (мы воспринимаем то, что мы видим и что мы слышим); в-пятых, посредством выявления полезного и вредного, доброго и злого, указывающей к чему стремиться и чего избегать². Общее чувство в аристотелевской интерпретации является общим в том смысле, что оно представляет собой объединяющее начало всех других чувств, а также в том, что оно обще всем людям. Важная роль общего чувства состоит в том, что оно является важнейшим фактором, задающим единство самосознания эмпирического Я (М.А.Гарнцев).

Именно аристотелевскую традицию понимания общего чувства, которая была воспринята схоластикой, достаточно высоко оценивает Х.Арендт. Она указывает на то, что здравый смысл как общее чувство, встраивающее «радикальную субъективность чувственной данности в объективно всеобщее и потому действительное» позволяет узнать и измерить реальность мира, который является общим для людей и объединяющим их. Именно поэтому здравый смысл занимает такое высокое место в иерархии политических качеств. Здравый смысл, по-другому говоря, – это способность, благодаря которой человеку открывается общность реального мира, и благодаря которой он «настраивается на других участников этого мира». Ослабление здравого смысла сопровождается разрастанием суеверий и легковерия, и все это указывает на то, что общность мира внутри какой-либо группы

¹ Эпиктет. Беседы / Пер. с древнегреч. Г.А.Тароняна. М.: Ладомир, 1997. С. 164.

² См.: Аристотель. О душе // Аристотель. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 407–408; 437–438.

распадается, оказывается нарушенным «чувство действительности», люди отчуждаются от мира и уходят в свою субъективность³.

С аристотелевской традицией связано понимание здравого смысла как способности суждения о данном, определенной самой природой человека. Эта традиция получает развитие в шотландской школе здравого смысла, а затем в аналитической традиции, в частности в философии Дж.Э. Мура. К этой же традиции принадлежит Кант с его трактовкой здравого смысла как эстетической способности суждения. Развитие данной традиции характеризуется той тенденцией, что постепенно здравый смысл начинает трактоваться не как общее чувство, а как общий рассудок, связывающий людей не посредством осознания принадлежности общему действительному миру, или самой общностью мира, которому они принадлежат, а посредством утверждения одинаковых для всех людей структур сознания.

Другая традиция понимания здравого смысла связана с идеями естественного права, она прослеживается в философии римских стоиков, в гуманистической философской традиции. Среди относительно современных авторов к этой традиции можно отнести А.Бергсона. Здравый смысл здесь интерпретируется как *sensus communis*, скорее – как общественное чувство, или чувство общности, задающее стремление каждого человека к общему благу, которое определяет его поведение во всех практических делах.

В римской философии (и в римской поэзии) понятие *sensus communis* (*communis sensus*) интерпретируется как чувство общности, обусловленное единым представлением об общем благе, оно обретает также значение социальной добродетели, которая проявляется в преданности общим интересам, в любви к труду и старательности, справедливом отношении к другим людям, кротостью, твердостью в решениях, «принятых по зрелом обсуждении», дружелюбии, отзывчивости и т.д. Марк Аврелий изобрел специальное слово для обозначения такой добродетели – *κοινωνιοσύνη*⁴. Шефтсбери в трактате «*Sensus Communis: опыт о свободе остроумия и чувство юмора*» переводит данный термин Марка Аврелия как общую чувствительность⁵ [восприимчивость, чуткость] (*common sensibility*) и ссылается на следующее определение этой добродетели Клавдием Салмазием: «умеренная, привычная, повседневная предрасположенность человека, который в некоторой степени считается с общим благом и не обращает все к своей личной выгоде, а также принимает во внимание тех, с кем связан, умеренно и скромно уверен в себе». В интерпретации Салмазия, лишены такой предрасположенности люди «надутые и гордые», они думают, что «были рождены только для самих себя и своих личных интересов, они мало ценят всех других людей в сравнении с самими собой и равнодушны к ним. Это такие люди, о которых правильно говорят, что они не имеют *common sense*»⁶.

³ См.: *Арендт Х. Vita Activa, или о деятельной жизни*. Спб.: Алетея, 2000. С. 276.

⁴ См.: *Марк Аврелий*. Наедине с собой. Размышления // Римские стоики. М.: Республика, 1995. С. 274.

⁵ Гадамер в ходе реконструкции понятия здравого смысла также ссылался на данный термин Марка Аврелия. В русском переводе Гадамера термин *κοινωνιοσύνη* передают выражением «единство общего разума» (См.: *Гадамер Х.-Г. Истина и метод*. М.: Прогресс, 1988. С. 66)

⁶ Цит. по: *Shaftsbury A.A.C. Treatise II. Sensus Communis: An Essay on the Freedom of Wit and Humour. In a Letter to a Friend // Shaftsbury A.A.C. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times*. Indianapolis, Indiana: Liberty Fund, 2001. P. 65 note.

В гуманистической философии здравый смысл трактовался как прежде всего практическая способность, позволяющая человеку достойно жить в сообществе и в конечном итоге быть достойным членом сообщества человечества. Культивирование здравого смысла считалось важной задачей воспитания и в определенной степени противопоставлялось научному образованию.

Например, Дж.Вико развивает концепцию гуманистического образования («О смысле наук нашего времени», 1709), которое, по его убеждению, должно апеллировать к здравому смыслу, общественному чувству и к гуманистическому идеалу элоквенции (не просто искусство речи, но прежде всего – говорение правильного, истинного). Такое представление об образовании Вико противопоставлял развивающейся науке Нового времени и ее математическим методам. Он вовсе не отказывает новой науке в праве на существование и не оспаривает ее преимуществ, однако считает ее недостаточной. В сфере воспитания, с точки зрения Вико, особое внимание следует придавать культивированию здравого смысла. Здравый смысл он понимает и как общую способность, которая есть у каждого человека, и как чувство общности. Гадамер резюмирует понимание здравого смысла Вико следующим образом: «здравый смысл – это чувство правильности и общего блага, которое живет во всех людях, но еще в большей степени это чувство, получаемое благодаря общности жизни, благодаря ее укладу и целям»⁷. Как чувство общности здравый смысл, по убеждению Вико, необходим в практической жизни человека, поскольку волю человека определяет не столько абстрактный разум, а «конкретное общее» – общность группы, нации, человеческого рода. Речь не идет о том, что сообщество диктует человеку, как ему поступать, а о том, что в своей жизни, поступках он принимает во внимание других, учитывает их интересы, а также и благо того сообщества, которому принадлежит. Здравый смысл проявляется как общее чувство истины и права, определяющее поступки человека и его жизнь в целом. Анализируя концепцию Вико, Гадамер усматривает в его трактовке здравого смысла следы теории естественного права и интерпретирует здравый смысл как индивидуальный механизм естественного права⁸.

Для Вико здравый смысл является также основанием практической познавательной способности, которую Аристотель обозначил термином *φρόνησις* отличной от способности теоретического познания. Практическая познавательная способность ориентирует человека в жизни, ее предмет – конкретная ситуация во всем многообразии ее составляющих, она также осуществляется в выборе наиболее подходящего в данной ситуации. Здравый смысл задает практической способности нравственное измерение. Предметом выбора оказывается не просто наиболее подходящее в конкретной ситуации, но такое подходящее, которое соотнесено в конечном итоге с «чувством правильности и общего блага».

В конце XVIII в. понятие здравого смысла становится центральным в концепции Т.Рида. Философия Рида имела выраженную полемическую направленность. Его тексты характеризовались нарочито антифилософской риторикой («образованный и необразованный, философ и поденщик равны» в отношении возможности формулирования достоверных суждений). В действительности же, свою теорию Рид

⁷ Гадамер Г.-Х. Истина и метод. С. 64.

⁸ См.: Гадамер Г.-Х. Истина и метод. С. 61–67.

противопоставил не философии вообще, а метафизике и философскому скептицизму, имея в виду концепции Дж.Беркли и Д.Юма, а еще конкретнее – представления о том, что материальный мир существует лишь в сознании человека, и о том, что человеческие существа есть «не что иное, как связка или пучок различных восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении, в постоянном движении» (Юм) и некоторые другие представления. По выражению самого Рида, предмет его критики – «метафизический лунатизм», которому он и противопоставляет здравый смысл.

В понимании Ридом здравого смысла можно выделить по крайней мере два значения:

Во-первых, здравый смысл – это способность суждения, которой обладает каждый человек. Рид обращает внимание на то, что в обыденном языке слово *sense* всегда предполагает суждение⁹. И человек со здравым смыслом – это человек, выносящий суждение («*A man of sense is a man of judgment*»). Бессмыслица же (*nonsense*) – это то, что очевидно противоречит правильному суждению¹⁰.

Предметом здравого смысла как суждения может быть все, что угодно: объекты внешних чувств, вкуса, морали и понимания.

Здравый смысл – это не просто способность суждения, но это определенный уровень суждения – «та степень суждения, которая является общей (*common*) для людей, с которыми мы можем общаться и вести дела»¹¹. Благодаря здравому смыслу человек способен управлять своими делами, быть ответственным за свое поведение по отношению к другим людям. Именно обладание здравым смыслом делает человека субъектом права и моральным субъектом. Тем самым здравый смысл оказывается еще и важной практической способностью.

Представление Рида о природе здравого смысла как о способности суждения не совсем определено. В «Исследовании человеческого ума на принципах здравого смысла» он противопоставляет его разуму и настаивает на том, что разум должен играть по отношению к здравому смыслу подчиненную роль («и если не хочет быть слугой здравого смысла, то он должен стать его рабом»). В более поздних работах, Рид рассматривает здравый смысл как одну из разумных способностей и подчеркивает недопустимость противопоставления разума и здравого смысла, утверждает, что здравый смысл и разум «нераздельны по своей природе», более того, здравый смысл оказывается первой – интуитивной ступенью разума. С помощью здравого смысла человек познает «самоочевидные истины», определяющие его познание и поведение. Вторая ступень – дискурсивная, с помощью дискурсивного разума человек получает умозаключения. Вторая ступень предполагает первую, и в значительной степени основана на ней. Рид подчеркивает, что в данном значении

⁹ В данном случае перевести слово «*sense*» довольно трудно. Совершенно очевидно, что Рид имеет в виду чувство. Например, он пишет: «Зрение и слух философы называют чувствами (*senses*), поскольку посредством их мы получаем идеи, а обычный человек называет их чувствами (*senses*), поскольку мы судим с их помощью. Мы судим о цвете с помощью глаз, о звуке – с помощью уха, о красоте и безобразии с помощью вкуса, о правильном и неправильном – с помощью морального чувства, или совести» (*Reid Th. Essays on the Intellectual Powers of Man. Edinburgh, 1785. P. 520*)

¹⁰ См.: *Reid Th. Essays on the Intellectual Powers of Man. Edinburgh, 1785. P. 520.*

¹¹ *Reid Th. Op. cit. P. 521.*

здравый смысл является конституирующей человека способностью, именно обладание им дает человеку право называться разумным существом. Здравый смысл, по Риду, имеет божественное происхождение, он – естественный свет разума, «дар небес», и если небеса оставили человека без этого дара, никакое образование не сможет восполнить его отсутствия. Тот, кто не обладает здравым смыслом, безумен.

Во-вторых, под здравым смыслом (common sense) Рид понимает совокупность изначальных (врожденных) первых принципов, структурирующих человеческое сознание и определяющих восприятие человеком мира, а также его поведение и отношение к другим людям. В этом значении здравый смысл понимается не столько как способность к суждению, сколько как основание такой способности.

Принципы здравого смысла самоочевидны, принимаются интуитивно, не подлежат доказательству, критике или обоснованию. Рид формулирует два вида первых принципов – необходимые истины, которые различаются по сферам – разные истины определяют грамматику, логику, математику, вкус, мораль, метафизику. Контингентные истины (истины существования) – это те истины, которые в жизни человека играют определяющую роль. Список этих истин включал 12 истин, и Рид не считал его окончательным. Большая часть этих истин направлена против скептицизма Юма, в них утверждается реальность внешнего мира, единство и реальность субъекта мышления и др.

В сфере морали Рид также выделил два вида принципов здравого смысла – шесть общих и пять частных. В отношении последних он также утверждал, что этот список нельзя считать абсолютно полным.

Принципы здравого смысла обеспечивают возможность для человека выносить суждения относительно любых сфер жизни, даже если он не является ученым, философом или экспертом. Не всякий, разумеется, может оценить во всех нюансах, например, научное доказательство, но каждый, опираясь на принципы здравого смысла, может почувствовать, когда научное доказательство приводит к ошибочному выводу (в случае, если он ошибочен), хотя обнаружить ошибку в доказательстве и указать на нее не сможет.

Здравый смысл является не просто познавательной и практической способностью, которая позволяет каждому выносить достоверные суждения, определенным образом выстраивать свою жизнь, но это еще и критическая способность, которая необходима в том числе и философу, для того, чтобы не попасть в ловушку «метафизического лунатизма» и не увлечь туда других. Здравый смысл необходим философу, прежде всего, ради самой философии.

Мысль Рида состояла в том, что здравый смысл в равной мере присущ и философу, и простолюдину, поскольку и тот, и другой обладают одной и той же человеческой природой. Требование к философу состояло в не в том, чтобы он привел свои убеждения в соответствие с убеждениями простолюдина, или подстраивал бы свои идеи под его способность понимания, а в том, чтобы философ привел те представления, которые отстаивает как философ, в соответствие со своими собственными убеждениями, которых он как человеческое существо придерживается.

Философия в контексте размышлений Рида должна отвечать фундаментальным потребностям человека, касаются ли они познания или самой жизни. При этом Рид исходит из такого понимания человека, которое можно было бы описать выражением «эмпирический индивид». Человек – это не ноуменальный субъект, не только разумное, но чувствующее, наделенное волей существо, реализующее себя в человеческом сообществе. Как только философия отрывается от здравого смысла, она перестает отвечать своему специфическому назначению – отвечать потребностям человека и превращается в «метафизический лунатизм», который «ослабляет струны души» и оставляет мысль, благородные намерения без моральной поддержки. Именно здравый смысл удерживает философию и философа от саморазрушительных порывов.

Внимание Рида было сконцентрировано на критике «метафизического лунатизма» в философии. Однако из его объяснения следует также и другое, а именно – здравый смысл по крайней мере не тождественен обыденному сознанию. Как конституирующая человека способность он не имеет ничего общего с предрассудками, стереотипами и пр., а, напротив, ограждает любого человека от их власти, касаются ли они познания или самой жизни.

Рид существенным образом повлиял на развитие английской этики, которая пошла по пути содержательного уточнения принципов морали здравого смысла. Г.Сиджвик, с большой симпатией относившийся к идеям Рида и разделявший его мысль о том, что нет никакого иного способа сформулировать первые принципы морали, как обратиться к здравому смыслу человечества, носителем которого является любой человек, считал, что любой человек как раз и не способен выделить в своем обыденном сознании ни первые принципы наук, ни первые принципы морали, действительно соответствующие здравому смыслу. Формулирование первых принципов наук – это дело ученого, первых принципов морали – морального философа. Моральный философ, формулируя принципы здравого смысла, не должен воспроизводить представления обывателя или идти вслед за ними. Его задача состоит не в описании того, как люди поступают, а в определении того, как они должны поступать. Поэтому представления философа неизбежно будут отличаться или даже противоречить мнению обывателя. Однако одним из критериев достоверности принципов морали здравого смысла Сиджвик считал универсальное согласие в отношении этих принципов. Сам по себе данный критерий не является ни самодостаточным, ни определяющим. Однако разногласия в отношении первых принципов определенно указывают на ошибку, по крайней мере в формулировке и разрушают уверенность философа в их достоверности.

Обращение к здравому смыслу как морально значимому понятию характерно для тех подходов, в которых сферой реализации человека является вся сфера опыта, включая опыт общественной жизни. Примечательно, что Кант, который резко критиковал Рида за то, что тот якобы вместе со своими последователями вздумал «ссылаться на обыденный человеческий рассудок ... одно из хитроумных изобретений нового времени, благодаря которым самый пошлый болтун может смело начинать и выдерживать спор с самым основательным умом»¹², признает значимость и авторитет здравого смысла в опыте и практических делах, поскольку «он не только

¹² Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике. могущей появиться как наука // Кант И. Собр. соч. в 6 т. Т. 4 (I). М.: Мысль, 1965. С. 72–73.

благодаря опыту увеличивает познание, но и расширяет сам опыт, однако не в спекулятивном, а только в эмпирически-практическом отношении»¹³. При этом Кант подчеркивает, что речь не идет о заурядном рассудке, а о действительной, очень важной способности познания. В «Критике способности суждения» Кант решительно защищает здравый смысл от предвзятого вульгарного толкования, употребляет для его обозначения термин *sensus communis* и определяет как «идею общего для всех чувства, т.е. способности суждения, которая в своей рефлексии мысленно (*a priori*) принимает во внимание способ представления каждого другого, дабы собственное суждение как бы считалось с совокупным человеческим разумом и тем самым избегало иллюзии, которая могла бы оказать влияние на суждение ввиду субъективных частных условий, какие легко можно принять за объективные»¹⁴. *Sensus communis* определяется следующими максимами: 1) иметь собственное суждение (максима свободного от предрассудков образа мыслей); 2) мысленно ставить себя на место каждого другого (максима широкого образа мыслей); 3) всегда мыслить в согласии с собой (максима последовательного образа мыслей). В интерпретации Канта *sensus communis* является в большей степени эстетической способностью суждения, или вкусом, особым тактом в практических делах, в общении, нежели рассудком.

В целом можно сказать, что здравый смысл как философское понятие (при всех существенных различиях в толкованиях) выражает качество или способность человека, необходимые ему прежде всего в практической жизни или таком познании, которое ориентирует человека в мире, будь это мир вообще или сообщество, членом которого человек является. В последнем случае здравый смысл необходимо рассматривается как морально значимое понятие, определяемое «чувством истины и права» (Вико) или «духом справедливости» (А.Бергсон).

Как бы ни трактовался здравый смысл – как минимальная степень разумности, свидетельствующая о вменяемости человека, как общее чувство, удостоверяющее человека в реальности мира, которому он принадлежит и принадлежность которому объединяет его с другими людьми, как общественное чувство, задаваемое стремлением к общему благу или как способность суждения, он исключает из своего понятия предрассудки, суеверия и т.п., предполагает свободу от них. В этом смысле здравый смысл выполняет критическую функцию по отношению к обыденному сознанию.

Конечно, здравый смысл невозможно считать способностью суждения, достаточной для философского понимания. Однако следует задуматься над словами Канта о том, что «...в вопросе, касающемся всех людей без различия, природу нельзя обвинять в пристрастном распределении своих даров, и в отношении существенных целей человеческой природы философия может вести не иначе, как путем, предначертанном природой также и самому обыденному рассудку»¹⁵.

¹³ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Указ. изд. Т. 6., 1966. С. 370.

¹⁴ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Указ. изд. Т. 5, 1966. С. 306.

¹⁵ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. Т. 2 (1). М.: Наука, 2006. С. 1041, 1043.